

## С т а т ь и

**ТИП ФРАНЦУЗА-ГУВЕРНЕРА XVIII ВЕКА  
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ****Ирина Куликова**Вильнюсский педагогический университет  
Кафедра русской литературы

В типологическом реестре русской литературы XVIII-XIX веков гувернер-иностранец – один из сквозных ее персонажей. В зоне ее художественного внимания он оказывается, с разной степенью интенсивности, по меньшей мере, три четверти столетия. Столь долгое его бытование объясняется распространенностью гувернерства в аристократической и среднедворянской среде: на протяжении столетия иностранный гувернер – типичная фигура дворянского семейного быта. Вместе с тем, обращение к этому персонажу было вызвано его профессиональным назначением воспитателя и связывалось с широким комплексом проблем формирования нравственности человека, одной из которых являлась проблема инокультурного влияния.

В связи с исторической реальностью в русской литературе получают свое отражение в качестве гувернеров выходцы из трех стран – Франции, Германии и Швейцарии. Наиболее распространенным при этом, в соответствии с доминирующей ориентацией русского дворянства на фран-

цузскую культуру, становится образ гувернера-француза. Уже с начала 1770-х гг. тема иностранного гувернерства персонифицируется в сатирических образах французов-учителей, приехавших в Россию в поисках наживы. Наибольшая частотность обращения к этому типу наблюдается в литературных текстах, созданных или относящихся по описываемому в них времени к периоду от последней четверти XVIII до 30-х гг. XIX в. – именно на это время приходится расцвет феномена французского гувернерства.

Несмотря на историческую сложность и неоднозначность этого явления, отношение к нему русских авторов всегда было избирательным. Оно определялось не только их собственной позицией, но и идейными и эстетическими концепциями времени. В течение своего существования в литературе тип француза-гувернера (как и иностранного гувернера вообще) подвергся значительным изменениям, в которых запечатлелись как историко-культурные перемены, так и

художественные, вызванные собственно литературным развитием.

Эти процессы можно отчасти проследить в истории образа французского учителя-гувернера XVIII в. доэмигрантских времен (до 1791-1792 гг.), отразившегося не только в литературе своего времени, века Просвещения, но и в реалистических произведениях XIX столетия. Сопоставление разных его литературных интерпретаций позволит выявить специфику функционирования этого образа в динамике исторического времени.

В просветительских текстах XVIII в. француз-гувернер всегда осмысливается комически и выступает как сатирический персонаж с определенным набором психологических черт, который и позволяет говорить о нем как о типе.

Ратуя за приоритет отечественного начала в воспитании, авторы эпохи Просвещения видели в иностранных учителях-гувернерах основную причину отторжения русского дворянства от своих национальных ценностей, формирования у них антипатриотических настроений. Ставя своей целью нравственное совершенствование общества (через улучшение нравов каждого его члена), этика Просвещения рассматривала проблему воспитания как важнейшую. Ключевая фигура педагогического процесса – воспитатель-наставник – мыслился как носитель двух обязательных качеств: безупречной нравственности («благодетель», или «добродетель») и широкой образованности, причем важнейшим из них считалось первое. В просветительской этике добродетель и образованность постоянно выступали в паре и были взаимосвязаны: «главной целью всех знаний человеческих» предполагалось «благодетельство», оно же, в

свою очередь, придавало «прямую цену уму» (Фонвизин 1959, I, 169, 152). Плодом успешного воспитания, в представлении просветителей, должна была стать «добродетель, украшенная рассудком просвещенным», – именно так характеризуется в фонвизинском «Недоросле» благодетельный Милон в отличие от злонамеренного Митрофана (*там же*, I, 158).

Реальный французский гувернер второй половины XVIII в. в большинстве своем не соответствовал просветительским требованиям ни по своей нравственности, ни по уровню просвещенности. Об этом свидетельствуют исторические источники – дипломатические и полицейские донесения, записки, письма современников, как официальных, так и частных лиц, русские и иностранные. По словам французского дипломата де ла Мессельера, прибывшего в Петербург в 1757 г., сотрудники французского посольства после ознакомления с жизнью своих соотечественников в русской столице «были удивлены и огорчены, найдя, что у многих знатных господ живут беглецы, банкроты, развратники, и немало женщин такого же рода, которые по здешнему пристрастию к французам, занимались воспитанием детей значительных лиц». Неприятным сюрпризом оказалось то, что французская полиция разыскивала некоторых лиц из подвизавшихся в Петербурге в роли гувернеров. Посол сделал представление русскому правительству, в результате чего «произошла значительная эмиграция». После тщательного расследования «самые безнравственные» (по определению Мессельера) были отправлены «морем по принадлежности» (во Францию)» (Семенова 1998, 24). Другой французский посланник, граф Сегюр, в своих записках о пребывании в России в 1785-1789 гг. также

не преминул отметить странность назначаемых в губернеры людей – особенно в российской провинции. Исторически проблема, однако, заключалась не только в дурных губернерах. «Иноземное влияние не встречало надлежащей подкладки в элементарном общем образовании, которое давало бы умение воспринимать потребное, отбрасывая лишнее. Обязательная выучка дворянства совсем не давала такого образования, а модное губернское воспитание во многом было даже хуже простого невежества» (Ключевский 1990, 374).

Вместе с тем, само собой разумеется, что нравственный и профессиональный уровень французских губернеров не был унифицированным. Даже в елизаветинское правление, при всей «немудрености» иностранных «педагогов» этого времени, встречались «вольнодумные» «губернеры философского чекана, демократы, республиканцы и атеисты» (*там же*, 422). Но они, как правило, мало интересовали литераторов и публицистов эпохи Просвещения, главной задачей которых была борьба посредством слова с разными проявлениями злонравия. Невежественный, наделенный сомнительной моралью учитель-губернер был в их глазах одним из его воплощений и одновременно его источником, поскольку формировал воспитываемого им русского дворянина по своему образу и подобию. Как социально вредное явление он становится объектом последовательного и целенаправленного сатирического осмеяния со всеми присущими сатире особенностями изображения: гиперболизацией порока, намеренным искажением отдельных черт или, наоборот, демонстративно объективным изложением фактов, сама очевидность которых, по

мнению автора, должна была вызывать у читателей неодобрение отрицаемого явления. Сатирически обрисовываются профессиональные, социальные, нравственные черты француза-губернера; последние при этом часто осмысляются как репрезентативно-национальные.

Общим местом в сатирической характеристике французского губернера в литературе Просвещения является его профессиональная непригодность, связанная с низким уровнем образованности, который всегда подчеркивается обязательным указанием на «непедагогический» род занятий до его приезда в Россию. В основном, его представляют профессии, связанные со сферой обслуживания, традиционные для третьего сословия. Так, Француз (он же шевалье де Мансонж), персонаж «Разговоров» Н.Новикова, прежде чем стать губернатором в России, был поваром и «волосоподвижателем» (Новиков 1951, 482, 483). «В Париже с ребячества учился перукумажерству» учитель-рекрут из главы «Городня» «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Радищева (Радищев 1988, 168). Прочимый в губернеры в княжеский дом Пеликан из комедии Фонвизина «Выбор губернатора» «был во Франции в какой-нибудь богадельне подлекарем; умеет рвать зубы и вырезать мозоли, – но больше ничего» (Фонвизин 1959, I, 202). Ф.Эмин в «Письмах Эрнеста и Доравры» упоминает французских конюхов и поваров, учащихся «детей наших знатных господ всем почти наукам» (Русская литература XVIII века 1979, 341). О «французских поварах» в роли наставников пишет и Н.Николев в своей «Сатире на развращенные нравы нынешнего века» (Муза пламенной сатиры 1988, 128). Н.Курганов в «Письмовнике» отмечает, что в России чужеземные «перук-

махеры, кучеры и цирюльники часто бывают почетными учителями» (Повести разумные и замысловатые 1989, 159).

Несоответствие гувернера-француза занимаемой должности могло акцентироваться не только комическим несопадением рода занятий, но и развернутой предысторией персонажа, которая строилась по законам авантюрного сюжета и представляла собой калейдоскопическую смену тех же «низких» профессий, ничего общего с гувернерством не имеющих. Сатирический эффект в этом случае достигался самим количеством этих профессий. На этом комическом приеме строит образ бывшего гувернера Радищев в своем «Путешествии...» (глава «Городня»). Его персонаж проходит в своей жизни, согласно авантюрному хронотопу, через взлеты и падения, с каждой переменной в своей судьбе меняя род занятий: парикмахер во Франции и, в первое время по прибытии в Россию, в Петербурге, затем матрос на российском корабле, солдат прусской армии, дезертир, лакей казанского купца, учитель, нанятый в русскую семью, и, наконец – рекрут русской армии. Подобная литературная биография часто использовала реальные факты. Комментируя предысторию радищевского персонажа, Л.И.Кулакова и В.А.Западов отмечают: «Рассказ Радищева о французе-лакее, ставшем учителем, не зная грамоты, окрашен в сатирические тона, однако опирается на реальную действительность. Как бывшему пажу, писателю, конечно, было известно, что когда И.И.Шувалов выписал из Франции восемь лакеев для Пажеского корпуса, то петербургские бары тотчас переманили их к себе для воспитания детей» (Кулакова, Западов 1974, 229).

Отразились в литературе и факты уголовного прошлого французских гувернеров,

воспринимавшиеся как особенно вопиющие и несовместимые со статусом наставника «благородного юношества». Новиков в «ведомости» «из Кронштата», извещая о прибытии из Бордо 24 французов, сообщает, что «многие из них в превеликой жили ссоре с парижскою полициею, и для того она по ненависти своей к ним сделала им приветствие, которое им не полюбилось. Оно в том состояло, чтобы они немедленно выбрались из Парижа, буде не хотят обедать, ужинать и ночевать в Бастилии. Такое приветствие хотя было и очень искренно, однако ж сим господам французам не полюбилось, и ради того приехали они сюда и намерены вступить в должности учителей и гофмейстеров молодых благородных людей» (Новиков 1951, 106). И.Крылов в своем сатирическом опусе «Мысли философа по моде, или Способ казаться разумным, не имея ни капли разума», приведя правила, необходимые для жизни в «большом свете», саркастически заключает, что «мы обязаны оными тем снисходительным французам, которые, кончив на галерах свой курс философии, приехали к нам образовывать наши нравы» (Крылов 1970, 253). Галеры, но уже в прямой сатирической инвективе, упоминает и Николев:

Пустою шелухой сердца свои питаю,  
Имеv в наставников французских поваров  
Или с галер клеймом означенных воров,  
Несчастлива молодость за дорогие платы  
Что может приобрести?..

(Муза пламенной сатиры 1988, 128)

С подобным социальным обликом французского гувернера в его сатирическом изображении всегда соединяется невежество, крайней формой проявления которого нередко предстает элементарная безграмотность. Так, Сорванцов, персонаж

«Разговора у княгини Халдиной» Фонвизина, вспоминает, что «шевалье Какаду, француз пустоголовый, из побродяг самая негодница» «грамматике нас не учил, считая, что она педантство»; по его мнению, «шевалье и сам не умел грамоте», так как он его «ни за книгой, ни с пером в руках никогда не видывал» (Фонвизин 1959, II, 72, 73). Безграмотность Какаду комически контрастирует с его бахвальными заверениями в знании всех наук. Безграмотным изображается и учитель-рекрут у Радищева: в семье, куда его наняли, «целый год не знали», что он не умеет писать. С точки зрения француза, претендующего на место учителя-гувернера, его невежественность не является серьезным препятствием. «Скажите мне, – обращаясь к образованному Немцу, заявляет малограмотный, «ничего не знающий» Француз в «Разговорах» Новикова, – по какой бы причине я не мог быть учителем? Разве на французском языке нет книг, всяким наукам обучающих? Поверьте мне, что их довольно: я закуплю оные книги и буду учить моих воспитанников и сам учиться...» (Новиков 1951, 485).

Просветительское обличение гувернерского невежества было тем настойчивее, чем больше оно не принималось в расчет в реальной жизненной практике. Массовым дворянским сознанием француз-воспитатель воспринимался прежде всего как природный носитель модного и желательного для русского дворянина французского языка, без знания которого его служебная и общественная карьера была бы затруднительна. «Ты говоришь по-французски, то и того довольно», – уверяют земляки безграмотного француза, сомневающегося в своем праве «искать в Москве учительского места» (Радищев 1988, 169).

Этому утилитарно-прагматическому взгляду на французский язык просветители противопоставили понимание его как языка интеллектуального развития, открывавшего русскому дворянству возможности для усвоения философских идей и научных знаний французского Просвещения. В новиковских «Разговорах» Немец пытается внушить заносчивому Французу, «что разумные россияне, кроме вертопрахов, уважают уже не тебя, француза, но язык французский» (Новиков 1951, 487). Противопоставление «разумных россиян» «вертопрахам» в данном высказывании, а также факт принадлежности его просвещенному персонажу (Немец – профессор) раскрывают суть просветительской позиции автора.

Француз-гувернер как сатирический персонаж просветительской литературы наделяется порочной нравственностью. Он изображается заносчивым, хвастливым, циничным, ленивым, склонным к обману и пьянству. Так, шевалье Какаду «был надменен, хвастлив и неблагодарен. Надменность его состояла в том, что он хозяев и слуг за людей не считал» (Фонвизин 1959, II, 73). До того как стать учителем француз из радищевского «Путешествия...» часто был бит «линьком» и «палками» «за леность и пьянство» как в матросской, так и в солдатской службе (Радищев 1988, 169). Циничным обманщиком, «чудовищем, недостойным человеческого имени» выведен Француз в «Разговорах» Новикова, намеревающийся не только учительствовать, но и заниматься незаконной коммерческой деятельностью (запрещенной разночинцам, не состоящим в купечестве), продавая молодым русским «полуфранцузикам» модные французские товары: «Какая мне нужда в том, что посредством

обогащения моего молодые люди разоряются будут? Ведь они не соотечественники мои; да если бы возможность человеческая была, так бы я и единоплеменника своего перехитрил. Моя философия гласит: «о б м а н ы в а й д у р а к а, в т о м н и г р е х а, н и с т ы д а н е т» (Новиков 1951, 486).

Неприглядные моральные качества французских губернаторов акцентируются и в их обобщенных характеристиках, причем в такой форме они предстают как национально стереотипные. В «Английской прогулке» (журнал Новикова «Живописец») утверждается: «Мы привыкли ... перенимать с жадностью все от иностранных, но, по несчастию нашему, почасту перенимаем только пороки их; например, когда были у нас в моде французы, то от обхождения с ними остались у нас легковёрность, непостоянство, вертопрашество, вольность в обхождении, превосходящая границы, благоразумием учрежденные, и многие другие пороки» (*там же*, 328).

С негативными чертами нравственного облика французских наставников, отмеченных в журналах Новикова, прямо соотносятся наблюдения Фонвизина над французским национальным характером, сделанные им во время своего путешествия во Францию (1778 г.): «Непостоянство и ветреность не допускают ни пороку, ни добродетели в сердца их (французов. – И.К.) поселиться <...> Обман почитается у них правом разума. По всеобщему их образу мыслей, обмануть не стыдно; но не обмануть – глупо. Смело скажу, что француз никогда сам себе не простит, если пропустит случай обмануть хотя в самой безделице. Божество его – деньги. Из денег нет труда, которого бы не поднял, и нет подлости, которой бы не сделал» (Фонвизин 1959, II, 480, 481).

Корыстолюбие является существенной чертой и литературного образа французского губернатора. Она постоянно подчеркивается авторами XVIII в. как в обобщенных описаниях, так и при изображении конкретных персонажей. «В Письмах Эрнеста и Доравры» Эмина отмечается, что «шарлатаны и возницы, в наше государство приезжающие, весьма дорого продают свое невежество и за обучение тому, чего сами не знают, получают от наших господ такую плату, которой и достойные люди, во всю жизнь о пользе отечества стараясь, дослужиться случая не имеют» (Русская литература XVIII века 1979, 341). «Дорогие платы» французским губернаторам нередко получают в текстах цифровое и материальное выражение. Шевалье де Мансонж признается Немцу: «<...> меня берут в учителя, жену мою также, и дают нам каждому по 500 рублей, выключая (т.е. кроме. – И.К.) квартиры, стола и кореты; но я прошу больше, авось-либо и то удастся» (Новиков 1951, 484). Эти слова дополняются в другой публикации ироническим сообщением автора-издателя о том же персонаже: «<...> вступил в должность учителя ... и берет за сие только по пяти сот рублей в год, да сверх того имеет стол, слугу и корету» (*там же*, 506). Бывшему «побродяге»-французу из радищевского «Путешествия...» его земляки в Москве «скоро ... нашли учительское место за сто пятьдесят рублей, пуд сахару, пуд кафе, десять фунтов чаю в год, стол, слуга и карета» (Радищев 1988, 169). Согласие персонажа Радищева на скромное для француза жалованье (оно меньше даже тех сумм, которые обычно выплачивались русским учителям; к примеру, помещик Дурькин у Фонвизина готов платить русскому учителю из университетских студентов в год двести рублей)

объясняется, по всей видимости, боязнью обнаружения его безграмотности и вполне приличными в остальных условиях его содержания. «Учительское место» в русских дворянских семьях воспринимается французом как доходное, прибыльное, а Россия – такой землей, «которая по справедливости почитается французскою Индиєю» (Новиков 1951, 505). По мнению шевалье де Мансонжа, философический камень, «помощию которого всякие металлы можно превращать в золото», «в России нашел француз и в своих руках его имеет; помощью оного <...> всякое свое слово, всякую хитрость и всякую выдумку» превращает он «в золото» (*там же*, 487). Служба гувернером для него – источник «получать деньги даром», без всякого труда. «Ты, – убеждает Француз своего собеседника, – будучи немец, рассуждаешь истинно по-немецки, что будто без трудов не можно найти честного пропитания; но я француз, следовательно, за одни разговоры могу брать столько денег, что ты, со всеми своими трудами, ни в четвертую долю получить не можешь» (*там же*, 484).

Стремление французов, представителей третьего сословия, к наживе посредством гувернерства мотивируется в сатирических текстах их бедностью. Отсутствием денег объясняет свое желание стать учителем де Мансонж: «В должность учителя вступаю я не для того, чтобы в состоянии был вправду учить моих воспитанников; но для того, чтобы запастись деньгами, коих я теперь не имею» (*там же*, 485). «В пять лет» занятий учительством и торговлей контрабандными французскими товарами он надеется «иметь несколько тысяч рублей», после чего намеревается возвратиться в свое отечество и «жить благополучнейшим человеком» (*там же*, 486). «При-

ехал в Москву в самой нищенской бедности» и шевалье Какаду; по словам Сорванцова, его «тетка накупила ему белья и взяла в свой дом, обеспечив его во всем нужном» (Фонвизин 1959, II, 73). Беден и радищевский персонаж, меняющий разные занятия, чтобы не умереть с голоду; самым прибыточным из них становится для него учительское («Путешествие...»).

О бедности, но уже дворянской, как главной причине, толкающей к поискам счастья в России, пишет Фонвизин в своих «Письмах из Франции»: «Дворянство французское по большей части в крайней бедности, и невежество его ни с чем несравненно. Ни звание дворянина, ни орден св. Людовика не мешают во Франции ходить по миру. Исключая знатных и богатых, каждый французский дворянин, при всей своей глупой гордости, почтет за великое себе счастье быть принятым гувернером к сыну нашего знатного господина. Множество из них мучили меня неотступными просьбами достать им такие места в России...» (Фонвизин 1959, II, 484). Легкость и быстрота обогащения французов в должности гувернеров в России подчеркивается сопоставлением ее с Америкой, где богатство добывалось с большим трудом. Так, имеющие проблемы с законом у себя на родине французы «для приобретения золота, вместо Америки, принуждены были ехать в Россию» (Новиков 1951, 106); из Америки, очевидно, наслышавшись о легких русских деньгах, приезжает в Россию шевалье Какаду.

Стоимость учителя-гувернера возрастала, если он был дворянского происхождения, и значительно повышалась при наличии у него титула. Такой гувернер считался носителем светского языка и светских манер французского высшего

общества и в глазах галломанствующего русского дворянства был предпочтительнее ученого наставника. От гувернера, по сути, и требовали прежде всего обучения языку и хорошим манерам, поэтому его принадлежность к благородному сословию рассматривалась как гарантия успешного результата. Спрос на благородных и знатных гувернеров вызвал ответное предложение со стороны приезжавших на «учительские места» французов, людей «низких» профессий либо вообще без определенных занятий, бродяг и авантюристов. Нанимаясь в гувернеры, они начинают выдавать себя за дворян и титулованных особ. Это явление получило такое распространение, что стало объектом осмеяния в просветительской сатире. По «ведомости» новиковского «Трутня», «упражнявшиеся в ремеслах и должностях третьего рода» у себя на родине французы, приехав в Россию с намерением «вступить в должности учителей», рассказывают о себе, «что они все бароны, шевалье, маркизы и графы» (*там же*). Персонаж публикаций «Кошелька», сын французского стряпчего (т. е. повара. – *И.К.*) после того, как отец не смог купить ему «дворянский паспорт» по его требованию во Франции, по ироническому замечанию автора, «на пределах Российской Империи произвел сам себя в шевалье де Мансонж, а по приезде в Петербург, из любви к России, унизил знатность своего рода даже до того, что к одному посредственному российскому дворянину вступил в должность учителя его детей» (*там же*, 505-506). Самопроизвел себя в дворянство, скорее всего, и фонвизинский шевалье Какаду.

Для француза-гувернера характерно надменно-презрительное отношение к русским. Де Мансонж считает их людьми «рассудка здравого и просвещения не

имеющими»: «Ведь справедливо во \*\*\* (Франции. – *И.К.*) русских людей почитают еще невеждами, варварами, или, на милость (по меньшей мере. – *И.К.*), обезьянами. Где, кроме сущих невежд, найти можно такую оплошность, чтобы вверить себя человеку, никогда ему добра не желающему, и позволить из себя все, что бы я ни захотел, сделать?..» (*там же*, 486). Безграмотный учитель в «Путешествии...» Радищева называет «господина», у которого он жил «целый год», «дураком» (Радищев 1988, 169).

Осмеивая невежественных гувернеров, литераторы просветительской идеологии много внимания уделяли плодам их воспитания. Оно, по их мнению, сводилось к насаждению антипатриотизма и формированию порочной нравственности. Воспитанник шевалье Какаду Сорванцов спустя некоторое время так оценивает его наставничество: «Он вселял в сердца наши ненависть к отечеству, презрение ко всему русскому и любовь к французскому. Сей образ наставления есть обыкновенная система большей части чужестранных учителей» (Фонвизин 1959, II, 73). Николев в «Сатире на развращенные нравы...» результатом «просвещения» французских гувернеров называет «безбожие и ложь» и приобретенные молодыми дворянами «учительски развраты» (Муза пламенной сатиры 1988, 128).

В просветительском сознании эпохи порочная нравственность («злонравие») включала в себя не только разврат в узком смысле, невежественность, безбожие, лживость, но и уклонение дворянства от своих служебных обязанностей по отношению к государству. Понимание своей жизни не как служения, а как праздника во многом складывалось у русского дво-



рянства под влиянием французского, и не только вследствие контактов с его представителями, но и через воздействие гувернеров разных мастей. О том, что страсть к легкой и веселой жизни является не столько сословной, сколько национальной чертой французского характера, писал Фонвизин, имевший возможность за время своего путешествия по Франции непосредственно наблюдать разные слои ее населения: «<...> французы скуки терпеть не могут. Чего не делают они, чтоб избежать скуки, то есть чтоб ничего не делать! И действительно, всякий день здесь праздник <...> Все столько любят забавы, сколько труды ненавидят <...> Рассудка француз не имеет и иметь его почел бы несчастьем своей жизни, ибо онный заставил бы его размышлять, когда он может веселиться. Забава есть один предмет его желаний» (Фонвизин 1959, II, 474, 475, 480-481). С фонвизинскими замечаниями во многом созвучны правила для жизни в свете крыловского «философа», основанные, по его признанию, на «трудной науке ничего не думать», которой учат русских дворян французы («Мысли философа по моде...»).

Несмотря на то, что литература Просвещения наполнена филиппиками против невежественных и порочных иностранных учителей-гувернеров, в качестве персонажей они представлены в ней сравнительно редко, что свидетельствует о низком социальном статусе «учительской должности» в глазах дворянского общества. Как сатирический персонаж-тип французского гувернера отражает определенное социокультурное явление и содержит в себе черты, прямо связывающие его с эмпирической реальностью. Он номинируется либо значащим французским именем (например, Мансонж, т. е. ложь), либо

комическим (шевалье Какаду, Пеликан). Он может также оставаться безымянным, как бывший парикмахер-матрос-солдат-лакей-учитель у Радищева, знаменуя собой некое обобщение. Если француз-гувернер наделяется речевой характеристикой, то она служит целям саморазоблачения.

Иным предстает образ французского гувернера XVIII в. в реалистической литературе века XIX-го. Сохраняя в определенной степени некоторые структурные черты этого образа как сатирического типа, авторы-реалисты подчиняют их не утилитарным целям борьбы с пороком, а задаче художественного воссоздания жизни. Показателен в этом смысле образ Бопре в историческом романе А.Пушкина «Капитанская дочка» (1836). В исследовательской литературе неоднократно отмечалась связь описания усадебной жизни Гриневых с сатирической традицией XVIII в. (прежде всего с фонвизинской). Прослеживается она и в образе французского гувернера, который во многом строится согласно ее стилистике. Бопре изображается совершенно непригодным к своей должности: он «в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию pour ktre outchitel, не очень понимая значение этого слова» (Пушкин 1975, 240). С этим комически соотносится трафаретное сообщение об учительской универсальности («по контракту обязан он был учить меня по французски, по немецки и в сем наукам»), которое является пародийной реминисценцией реплики Простаковой из фонвизинского «Недоросля» («По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман») и выделено в тексте курсивом. Наделяется Бопре и порочными наклонностями – «страстью к прекрасному полу» и пьянству. В согласии

с традицией процесс обучения предстает профанированным, а учитель и ученик на какое-то время даже трагически меняются ролями («обязан он был учить меня <...> но он предпочел наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски» – *там же*). Да и само сообщение о факте выписки французского гувернера из Москвы в симбирскую деревню «вместе с годовым запасом вина и прованского масла» по стилистическому приему напоминает «ведомость» Новикова о прибывшем в «Кронштат» корабле, на котором, «кроме самых модных товаров, привезены 24 француза» – в обоих случаях использовано уподобление человека предметам потребления.

Но весь этот цитатно-аллюзионный пласт стилистики просветительской сатиры, формально мотивирующийся субъектом повествования (для Петра Гринева, сформировавшегося во второй половине XVIII в., эта стилистика современна и органична), выполняет в романе функцию культурно-идеологического знака воспроизводимой исторической эпохи, уже отдаленной от реального автора дистанцией времени. При этом само повествование о французском гувернере строится на совмещении и столкновении двух точек зрения, обусловленных разными периодами жизни рассказчика, – его прошлым (временем Гринев-мальчика) и настоящим (временем Гринев-мемуариста). С точки зрения юного Гринева, его учитель – «добрый малый», хотя «ветрен и беспутен до крайности»; его отношение к наставнику характеризуется полным его приятием, поскольку тот не неволит его учением: «...каждый из нас занимался ... своим делом. Мы жили душа в душу. Другого ментора я и не желал» (*там же*). Позиция Гринев-мемуариста, с высоты прожитых лет оценивающего свое

воспитание, уже критична и выражается посредством привычных для него сатирико-стилевых приемов литературы XVIII в. Это наличие двух противоположных оценок заметно смягчает традиционную сатиричность образа французского гувернера. Принципиальным здесь оказывается тот факт, что эти оценки принадлежат одному и тому же лицу, в отличие от сатиры XVIII в., где противопоставление двух восприятий персонажируется в идеологически полярных персонажах, тем самым способствуя усилению сатирического обличения (так, Вральман в «Недоросле» оценивается невежественной Простаковой и просвещенным Стародумом).

В описании Пушкиным бытовых подробностей жизни учителя-француза также происходит смещение акцентов. По сравнению с фонвизинским Вральманом, на которого ориентирован образ Бопре, последний занимает в доме Гриневых приниженное положение: он, хотя и допущен к барскому столу, но вином его «обыкновенно обносили» (Вральману, по словам Простаковой, полагался «за столом стакан вина»); при «расправе» Гринев-отец с ним не церемонится («за ворот приподнял его с кровати, вытолкнул из дверей и в тот же день прогнал со двора» – *там же*, 241). Новация Пушкина противостояла сатирической традиции, по которой невежественный учитель-иностранец обычно изображался пользующимся особым «респектом» в доме нанявших его дворян. В соотношении с ней другой вариант обрисовки воспринимался, видимо, автором «Капитанской дочки» не как «литературный», а как жизненно-достоверный.

Нравственные пороки Бопре не декларируются, как это часто бывало в сатирической литературе XVIII в., а раскрываются

через специфику быта помещичьей усадьбы. «Прекрасный пол», к которому француз питает необузданную «страсть», представляют «прачка Палашка, толстая и рябая девка, и кривая коровница Акулька». Склонность к пьянству проявляется в неумеренном потреблении домашней «русской настойки», в избылии, очевидно, производившейся в имении Гриневых. Показательно и то, что именно порочность Бопре, а не его педагогическая несостоятельность явилась причиной преждевременного конца его гувернерства в гриневском доме, и только тогда, когда ее следствием стала порча через «обольщение неопытности» крепостных девок – господской собственности.

Корректируется Пушкиным и номинация француз-гувернера: он именуется «неговорящим» антропонимом, совпадающим с реально существующими фамилиями. Кроме него в тексте используются в тех же целях французское слово «monsieur» (в главе IV) и две его русифицированные формы – более приближенная к оригиналу «мосье» и просторечная «мусье». Обозначение франкоговорящего гувернера (француза и швейцарца) как «мосье» («мусье») и соответственно гувернантки-французенки (а порой и немки, и англичанки) как «мадам» (в просторечии «мадама») и «мамзель» было общепринятой практикой в живой речи второй половины XVIII-XIX вв., что нашло отражение и в литературе. Просторечные формы этих слов встречаются как в речи простонародных персонажей (в романе М.Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» старый ловчий Шурлов говорит: «Видали мы всяких мусьев и учителей: все народ плюгавый, гроша не стоит...»), так и дворянских (в комедии А.Шаховского

«Своя семья, или Замужняя невеста» в речи Феклы: «Мадамам да мусьям за дрянь, за всякий вздор Родные денежки бросают так, как сор»; в комедии А.Грибоедова «Горе от ума» в речи Фамусова: «Да не в мадаме сила...» и Чацкого: «А тут ваш батюшка с мадамой, за пикетом...»). У Пушкина более правильная форма «мосье» (как и французское «monsieur») принадлежит речи дворянина Петра Гринева и употребляется вместе с фамилией в единой этикетной формуле («батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре...»). Отражающая же речевые особенности простонародья форма «мусье» используется, без последующего имени собственного (непривычного для русского слуха и затруднительного для произношения), в прямой речи Савельича («Куда как нужно тратить лишние деньги и нанимать мусье...») и в косвенной передаче речи Палашки и Акульки («с плачем жалуюсь на мусье...») и дворовых слуг («Доложили, что мусье давал мне свой урок»).

Таким образом, в результате творческого использования традиции француз-гувернер изображается Пушкиным не как осмеиваемый зловредный носитель порока, а как характерное явление русской дворянской жизни второй половины XVIII в. Сатирический образ невежественного гувернера приобретает у писателя черты исторической типичности – именно такой *outchitel* мог оказаться в российской глуши в 1760-ые гг. Отмежевание от идеологической тенденциозности просветительской сатиры становится особенно явным при учете «плодов воспитания» Петра Гринева. Именно в силу своей учительской несостоятельности и занятости удовлетворением своих порочных влечений Бопре практически не оказывает «злонравного» влияния на своего подопечного, который вырастает человеком

порядочным, с развитым чувством чести. Это пародийное осмысление традиции подчеркивается и другим обстоятельством: пребывание Бопре в гувернерах Гринева было все же не бесполезным, поскольку он «дал» ему «несколько уроков в фехтовании, которыми» он «воспользовался» в поединке со Швабриным и которые спасли ему жизнь.

Другим, как по своему содержанию, так и по конструктивному решению, предстает образ французского гувернера XVIII в. в повести А.Герцена «Долг прежде всего» (1847). Его специфика тесно связана с особенностями герценовского историзма, основу которого составляет раскрытие диалектики взаимоотношений человека и истории. Гувернер Дрейяк показан Герценом не только как атрибутивная фигура русского аристократического быта, но и как историческое лицо, человек своего времени – эпохи французского Просвещения. Он воплощает тот тип французских наставников «дореволюционного привоза», «демократов, республиканцев и атеистов», который, по словам Ключевского, господствовал в знатных русских домах и к которому сатирическая литература XVIII в. интереса не проявила. Верный принципу исторической точности, Герцен фиксирует в образе Дрейяка социальные, философские, культурные приметы эпохи. Дрейяк – ученый, образованный гувернер в богатом княжеском доме, «рекомендованный самим Вольтером Шувалову, Шуваловым княгине Дашковой, Дашковой нашей княгине» (Герцен 1974, 342). Он просветительский вольнодумец («был поклонник Вовенарга и Гельвеция, упивался Жан-Жаком, мечтал о совершенном равенстве и полном братстве...» – *там же*, 343) и атеист («Он с улыбкой сожаления

говорил о католицизме и вообще о христианстве <...> он упорно не хотел суда на том свете и язвительно смеялся над людьми, верившими в ад...» – *там же*). Атеизм француза, однако, оказывается весьма относительным, поскольку вера в христианско-мистические догматы заменена, в духе научно-материалистических представлений энциклопедистов, «поклонением закону» всемирного «тяготения», в универсальном действии которого, по словам Дрейяка, «раскрывается великий художник». Исторически достоверен и уровень образованности Дрейяка, в основе своей филологической: он «знал на память Корнеля и Расина, все литературные анекдоты от Буало до энциклопедистов, он знал даже древние языки и любил в речи поразить цитатой из «Георгик» или из «Фарсалы» (*там же*). Во многом типичен также характер и метод «веселого и легкого» обучения, применявшегося французом: «Он мог всегда говорить без различия времени, предмета, возраста и пола, а потому его ученики отлично выучивались сначала слушать по-французски, а потом говорить» (*там же*). Как исторически закономерный отмечается и результат гувернерского воспитания – молодые русские аристократы, помимо языка, усвоили «довольно хорошо греческую мифологию и французскую историю, больше в то время (в 1780-ые гг. – *И.К.*) не требовалось» (*там же*, 344).

Описывая морально-психологические качества Дрейяка, автор увязывает их с типичными, с точки зрения русского, особенностями французского национального характера: «Гувернер был не глупый человек, как все французы, и не умный человек – как все французы; он имел все забавные недостатки своей страны, лгал,

острил, был дерзок и не зол, высокомерен и добрый малый» (*там же*, 343). В отличие от однозначно негативных оценок нравственного облика французов в сатирической литературе XVIII в. эта характеристика строится на диалектическом равновесии неприглядных и привлекательных черт, подчеркиваемом синтаксическим соседством обозначающих их лексем («недостатки», но «забавные»; «лгал» – «острил», «дерзок» – «не зол», «высокомерен» – «добрый малый»); показательно при этом и употребление слова «недостатки» вместо традиционного «пороки». В то же время нельзя не заметить, что малопривлекательные стороны французского характера образованного Дрейяка повторяют отрицательные нравственные черты невежественных учителей-гувернеров в произведениях XVIII в. Отражено в герценовском персонаже и чувство национальной спеси (если не сказать национальной исключительности) французов, также уже отмечавшееся Новиковым и Фонвизиным: «Он смотрел с улыбкой превосходства на все русское, отроду не слышал, что есть немецкая литература и английские поэты...» (*там же*). Вряд ли, однако, здесь можно говорить о прямом влиянии литературной традиции, скорее всего – о совпадении, обнаруживающем общность взглядов на национальный характер французов у авторов, принадлежащих к разным историческим эпохам.

Что же касается литературной традиции, то она своеобразно преломляется в осязательной иронии, которой пронизано все повествование о Дрейяке, как в описательной, так и в сюжетной его части. Традиция проявляется прежде всего в подчеркивании контрастного несовпадения исповедуемых французом просветительских убеждений с

его житейским поведением. Приверженец эгалитаризма обнаруживает претензии на аристократизм, которые едва ли объясняются только меркантильными соображениями («<...> мечтал о совершенном равенстве и полном братстве, что не мешало ему ставить перед своей звучной фамилией Дрейяк смягчающее «де», на которое он не имел права» – *там же*). Несоответствие образа мыслей и поступков гувернера наглядно обнажает специально для этой цели введенный сюжетный эпизод его столкновения с революционной толпой в Париже 14 июля 1789 г., принявшей Дрейяка по золотому набалдашнику его трости за аристократа. Избежав фонаря только через заверение возбужденного народа в своих республиканских взглядах и демократическом происхождении, Дрейяк при первом удобном случае спасается бегством. Характерно, что реальное восстание его соотечественников не согласуется с книжными представлениями Дрейяка, который, едва придя в себя после пережитого, «собирался ... прочесть в Тите Ливии о народном возмущении против Тарквиния Старшего» (*там же*, 348). Результатом этого происшествия явилось взывание к Богу, раскаяние в своей мнимой знатности и декларация эгалитаристских идей перед трактирной прислугой ради сохранения собственной жизни: «О боже мой, боже мой, пощади нас и помилуй, – бормотал Дрейяк, изменяя закону тяготения и забывая, что Платон бога называл «великим геометром». Тут он вспомнил, что прислуга его называет шевалье, и это проклятое «де» перед фамилией. «Все люди, – говорил он гарсону, который вошел, чтобы вынести чайник, – равны, все люди – братья и могут отличаться только гражданскими добродетелями, любовью к народу и к неотъем-

лемым правам человека» (*там же*, 348-349). Столкновение со страшной действительностью, однако, выявляет не столько слабость человеческой природы Дрейяка (естественную и понятную при угрозе смерти), сколько утопичность самой просветительской идеологии. Любовь к «безопасности» и «покою» у «благоразумных людей» оказывается больше любви к «успехам человечества и торжеству разума над предрассудками» (*там же*, 347). Соответственно «варварские, но покойные берега Невы» представляются теперь Дрейяку более предпочтительными, чем просвещенный, но небезопасный Париж. В результате, авторская ирония по отношению к гувернеру становится формой выражения критической оценки и его характера, и исторической эпохи.

Таким образом, по сравнению с литературой Просвещения, в реалистических произведениях XIX в. француз-гувернер предстает как художественный образ, отражающий типичные особенности семейно-бытовой жизни русского дворянства второй половины XVIII в. При этом расширяется содержательный диапазон образа:

наряду с традиционным невежественным гувернером (образ Бопре у Пушкина) появляется образ просвещенного учителя-наставника (Дрейяк у Герцена). Меняются и структурно-стилевые приемы литературной разработки персонажа: Пушкин строит образ, пародийно используя традицию, Герцен – акцентируя в нем идеологические приметы эпохи. Вместе с тем в реалистической обрисовке французского гувернера у обоих авторов сохраняется связь с его просветительской сатирической интерпретацией. У Пушкина она проявляется в самом факте обращения к ней, у Герцена – в иронически-критической позиции повествователя. Оба автора, каждый по-своему, сохраняют в своих персонажах и этнокультурные черты, воспроизводя их как стереотипно-национальные. Пушкинский Бопре и герценовский Дрейяк – едва ли не единственные образы французов-гувернеров дореволюционной поры в русской реалистической литературе XIX в. В силу ряда историко-культурных и эстетических причин ее внимание в основном уже будет привлечено к гувернерам (и гувернанткам) другого времени.

## ЛИТЕРАТУРА

Герцен 1974 – Герцен А.И., *Повести и рассказы*, Ленинград, 1974.

Ключевский 1990 – Ключевский В.О., *Исторические портреты. Деятели исторической мысли*, Москва, 1990.

Крылов 1970 – Крылов И.А., *Басни, проза, пьесы, стихи*, Ленинград, 1970.

Кулакова, Западов 1974 – Кулакова Л.И., Западов В.А., *А.Н.Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий*, Ленинград, 1974.

Муза пламенной сатиры 1988 – *Муза пламенной сатиры: Русская стихотворная сатира от Кантемира до Пушкина*, Москва, 1988.

Новиков 1951 – *Сатирические журналы Н.И.Новикова*, Москва-Ленинград, 1951.

Повести разумные и замысловатые 1989 – *Повести разумные и замысловатые: Популярная проза XVIII века*, Москва, 1989.

Пушкин 1975 – Пушкин А.С., *Собрание сочинений в 10 тт.*, Москва, 1974-1978, Т.5.

Радищев 1988 – Радищев А.Н., *Сочинения*, Москва, 1988.

Русская литература XVIII века 1979 – *Русская литература XVIII века. 1700-1775: хрестоматия* / Сост. В.А.Западов, Москва, 1979.

Семенова 1998 – Семенова Л.Н., *Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век)*, Москва-С.-Петербург., 1998.

Фонвизин 1959 – Фонвизин Д.И., *Собрание сочинений в 2 тт.*, Москва-Ленинград, 1959.

## XVIII AMŽIAUS PRANCŪZO GUVERNANTO TIPAS RUSŲ LITERATŪROJE

Irina Kulikova

Santrauka

Straipsnyje analizuojami XVIII a. ikiemigracinio periodo prancūzo gubernanto personažo tipologinės ypatybės ir jo interpretacinė specifika įvairiose literatūrinio stiliaus sistemose – XVIII a. švietėjiškoje satyroje ir XIX a. realistiniuose kūrinuose.

Švietimo epochos rusų literatūroje prancūzas gubernantas pasirodo kaip satyrinis tipas, kurio pagrindinės charakterio savybės yra neprofesionalumas, motyvuotas nemokšišku ir neišprusimu, ir nedorovinga moralė. XIX a. autoriai realistai (A.Puškinas, A.Gercenas), išsaugodami tam tikrais aspektais kai kuriuos struktūrinius šio satyrinio personažo bruožus, vaizduoja jį jau ne kaip žalingų ydų nešėją, o kaip būdingą XVIII a. antros pusės rusų bajorų gyvenimo

reiškinį. Tuo pačiu plėtojamas ir personažo vidinis diapazonas: kartu su tradiciškai neišprususiu gubernantu (Bopre personažas Puškino romane „Kapitono dukte“) pasirodo ir išsilavinusio mokytojo auklėtojo paveikslas (Drejak Gerceno apysakoje „Pareiga aukščiau visko“). Realistiniuose tekstuose keičiasi ir prancūzo gubernanto konstruktyviniai ir stilistiniai personažo raiškos būdai. Puškinas vaizduoja jį, parodijuo-damas XVIII a. satyrinę tradiciją, o Gercenas – akcentuodamas personažo ideologinius epochos bruožus.

Abu autoriai, kiekvienas savaip, išsaugo savo personažuose ir etnokultūrinius bruožus, išreiškdami juos kaip nacionalinius stereotipus.

## LE TYPE DU GOUVERNEUR FRANÇAIS DU XVIII-IÈME SIÈCLE DANS LA LITTÉRATURE RUSSE

Irina Kulikova

Résumé

L'article présente une analyse de traits typologiques du gouverneur français (dans le sens de "mentor", "précepteur"), personnage du XVIII-me siècle de la période d'avant-émigration, en révélant la spécificité de son interprétation dans les systèmes stylistiques différents, notamment dans les ouvrages satiriques du XVIII-me siècle et dans les oeuvres réalistes du XIX-me siècle.

Dans la littérature russe du siècle des Lumières le gouverneur français se montre comme un type satirique avec des traits fondamentaux du caractère, tels que l'immoralité, la manque des qualités professionnelles basée sur l'ignorance et l'absence d'érudition. Les auteurs réalistes du XIX-me siècle (A.Pouchkine, A.Herzen), en gardant certains traits structurants de ce personnage satirique, le représentent déjà non comme por-

teur de vices malfaisants, mais comme phénomène particulier de la vie de noblesse de la deuxième moitié du XVIII-me siècle. On élargit avec ça un diapason intérieur du personnage: de même qu'avec le gouverneur traditionnellement ignorant (le personnage Bopré dans le roman d'A.Pouchkine *La Fille du capitaine*) le portrait du précepteur-éducateur intelligent apparaît (Drejak dans le récit d'A.Herzen *Le Devoir au – dessus de tout*). Dans les textes des auteurs réalistes les moyens d'expression du personnage changent. A.Pouchkine le présente en parodiant la tradition satirique du XVIII-me siècle, A.Herzen accentue le intérêts idéologiques de l'époque.

Les deux auteurs gardent chacun à sa manière, les propriétés ethniques des personnages en les présentant comme des types nationaux.

Получено: 2005, октябрь  
Принято: 2006, июль

Адрес автора:  
Вильнюсский педагогический университет  
Кафедра русской литературы  
Studentų g. 39, 08106 Vilnius  
E-mail: vida.g@vpu.lt